№ 5

МАЙ 1939

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Мурзилка

АН ЦК ВЛКСМ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

Рисунок Е. Афанасьевой

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ-ЛЕНИНЦЫ

23 мая у пионеров и у всех ребят нашей родины был большой праздник. В этот день, пятнадцать лет назад, пионеры стали называться ленинцами.

23 мая 1924 года на Красную площадь столицы со всех концов подходили пионерские отряды. Всюду слышались звонкие песни, сигналы горнистов. Барабанщики так старательно барабанили, что даже заглушали и горнистов и певцов. А солнышко зайчиками играло на блестящих горнах, слепило глаза...

У мавзолея все отряды построились в ровные шеренги.

Вдруг на всю площадь раздалась команда: „Смирно! К торжественному обещанию приготовиться!“ И сразу перестали барабанить барабанщики, горнить горнисты, и песня оборвалась. Наступила тишина. Так было каких-нибудь полминуты. А затем на всю площадь прогремело:

„Я, юный пионер СССР, даю торжественное обещание...“

Пионеры дали клятву товарищу Сталину и всему народу, что они будут с честью носить имя Ленина, будут твердо и неуклонно выполнять заветы Владимира Ильича. В этот день торжественное обещание дали пионеры во всех городах и селах Советского Союза.

С тех пор прошло пятнадцать лет.

Много замечательных людей, преданных нашей родине, воспиталось в пионерской организации. Герой Советского Союза Левченко, который крепко бил самураев у озера Хасан, был пионером. В большой пионерской семье выросло много хороших пионеров — храбрых, ловких, сильных.

Далеко на юге, в Кабардино-Балкарии, живет пионер Баразби Хамгоков. Он смелый джигит (наездник). Баразби сам вырастил красивого коня „Костика“, и на нем он победил на скачках. Его „Костик“ скачет, как вихрь, а Баразби пригнется к шее коня и не боится упасть. Когда Баразби вырастет большим и пойдет служить в Красную армию, он будет там лихим кавалеристом.

А на Дальнем Востоке, недалеко от озера Хасан, живет пионер Шура Бражников. Как только услышал Шура разрывы снарядов и треск пулеметов у озера Хасан, он сразу разыскал госпиталь и остался там санитаром. Шура надел белый халат и стал ухаживать за ранеными красноармейцами. Раненые бойцы полюбили его. Он им подавал воду, поправлял постель.

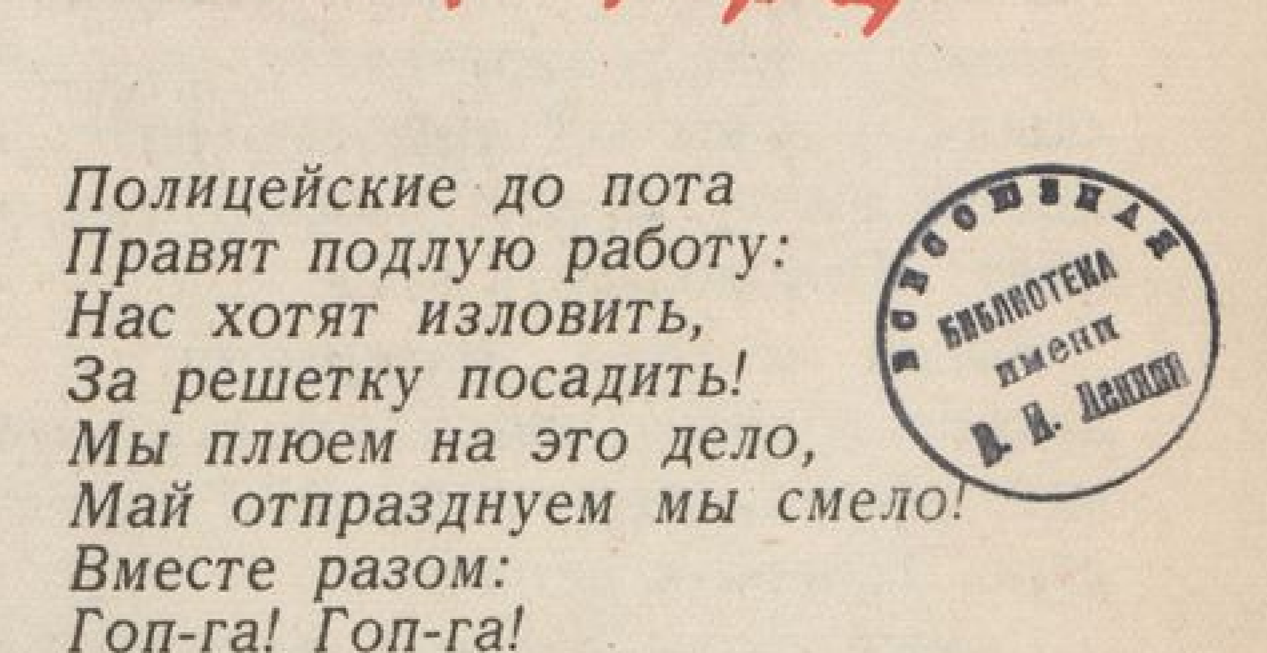
Много дней и ночей оставался он с больными.

Пионеры в своих отрядах и звеньях занимаются физкультурой. Учатся быстро бегать, высоко прыгать, хорошо плавать. Каждому пионеру ведь это в жизни пригодится. Недавно пионеру Ване Кирпичеву это очень пригодилось. По мосту через реку Судогду проезжала колхозная подвода. Лошадь оступилась и вместе с седоками упала в реку. Это увидал Ваня Кирпичев. Он быстро разделся и прыгнул в воду. Перочинным ножом Ваня перерезал гужи, чересседельник и поводья. Освободившаяся от телеги лошадь выбралась на берег. Ваня помог выбраться из воды и колхозникам.

Вот, ребята, какая растет смена комсомольцам! Готовьтесь и вы стать пионерами-ленинцами. Хорошо учитесь в школе, растите здоровыми, крепкими.

На обложке
„КАТЕР „КОМСОМОЛ“.
Рис. Е. Афанасьевой.

Первое Мая

Н. К. Крупская

Было это много лет тому назад, при царе.

Полиция арестовала Ленина. Его засадили надолго в тюрьму, а потом послали в ссылку в Сибирь, далеко от железной дороги, в глухое село Шушенское. Приехала к нему и я с матерью. Кроме Ленина, в том же селе жили другие ссыльные: один финский рабочий — Оскар, другой польский рабочий — Проминский. У Проминского была большая семья: жена и шестеро детей. И Оскар и Проминский часто приходили к нам.

Вот наступил день Первого мая.

Лет за десять перед этим, в 1889 году, рабочие всех стран сговорились: день Первого мая сделать **рабочим праздником**. В этот день рабочие во всех странах решили не работать, выходить со знаменами на улицы и говорить на собраниях, что рабочим всех стран надо сообща бороться против капиталистов.

Утром Первого мая пришел к нам Проминский. Он имел праздничный вид: надел чистый воротничок и сам весь сиял, как медный грош. Нам очень захотелось попраздновать Первое мая. Втроем — Ильич, я и Проминский — пошли мы к Оскару. Захватили мы с собой и Ильичеву охотничью собаку Женьку. Женька видела, что мы чего-то радуемся, и стала весело носиться и тявкать.

В Шуше весна поздно приходит. Деревья еще не распустились, на реке еще было много льду. Шли мы вдоль речки Шуши. Женька забиралась по брюхо в ледяную воду и лаяла, вызывающе поглядывая на мохнатых шушенских сторожевых собак: они не решались войти в такую холодную воду.

Мы расселись в избе, где жил Оскар, и стали дружно петь первомайскую рабочую песню:

День настал веселый Мая.
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая!
Забастуем в этот день!

Полицейские до пота
Правят подлую работу:
Нас хотят изловить,
За решетку посадить!
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело!
Вместе разом:
Гоп-га! Гоп-га!

Спели мы по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать Май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас пошло целых шесть человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек. В поле было еще мокро. Снег только-только еще стаял. Когда нашли в поле сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расправил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга.

Вечером собрались все у нас. Проминский пришел с женой и четырьмя детьми. Пели весь вечер революционные песни. Пела и моя мама и жившая у нас четырнадцатилетняя девочка Паша.

А вечером мы с Ильичем никак не могли заснуть: всё мечтали о больших рабочих демонстрациях.

Прошло много лет. Теперь Первое мая у нас, в Стране Советов, празднуют не десяток человек в далекой ссылке, а миллионы рабочих и колхозников. Они празднуют свою победу.

Первого мая трудящиеся нашей родины шлют свой привет рабочим всего мира и призывают их бороться против войны, против фашистов.

Мы знаем: как ни зверствуют фашисты, красное знамя — знамя социализма — будет веять над всем миром.

ПЛАНЕР

И. П. Мазурук,
Герой Советского Союза

Ребята! Когда вы слышите в небе гул мотора, вы, словно по команде, поднимаете вверх головы. Самолет уже далеко, — как говорится, «и след его простыл», — а вы всё еще смотрите: не появится ли он снова? И каждый из вас думает: «Вот полететь бы!»

Когда я был маленьким, я тоже, задрав голову, любовался стальной птицей. Мечтал летать высоко, далеко, быстро. Теперь я летаю.

Самый скорый поезд доставит вас на Дальний Восток не ранее чем через десять суток, а на самолете туда можно долететь за одни сутки.

Самолеты садятся в таких далеких уголках нашей огромной страны, куда ни по железной дороге, ни на пароходе, ни на лошадях не доберешься.

Самолеты летают над далекими полярными морями. В этих морях и летом плавают льдины. Летчикам сверху хорошо видно, где больше и где меньше льда. Вот они и указывают нашим кораблям, как им пройти, чтобы не застрять во льдах.

Самолеты разыскивают и спасают рыбаков, если их во время лова застигает буря и уносит далеко-далеко в море.

Самолеты тушат лесные пожары, уничтожают саранчу.

Наши самолеты бомбили японцев у озера Хасан.

Таких чудесных боевых машин у нас много. Они разгромят любых врагов нашей родины.

Управляют этими прекрасными воздушными машинами бесстрашные умелые летчики.

Я, ребята, расскажу вам о наших отличных советских самолетах и о тех преданных родине летчиках, которые этими самолетами управляют.

Я начну рассказом об удивительном аппарате, который летает высоко и далеко без мотора, словно птица. Этот аппарат называется п л а н е р.

***

Люди давным-давно мечтали о полетах.

Еще триста лет тому назад бедный русский крестьянин, по имени Никита, построил деревянные, обтянутые кожей крылья. На этих крыльях он спрыгнул с колокольни и плавно спустился на землю.

Много народу собралось смотреть на летающего человека.

Об этом услышал поп и очень рассердился.

Попы говорили, что летать могут только божьи ангелы.

Поп донес на Никиту царю. Царские власти отрубили голову Никите, а его крылья сожгли.

Так кончилась первая попытка летать.

С тех пор прошло очень много лет. Один талантливый человек, по фамилии Лилиенталь, построил летающую машину — планер.

Прежде чем начать строить планер, Лилиенталь очень внимательно изучал полет птиц и птичьи крылья. А когда он понял, почему птица держится в воздухе, дело у него быстро пошло на лад.

Его планер подымался вверх метра на три-четыре и летал без винта и мотора, как птица, но не дальше чем за несколько десятков метров.

Сейчас у нас много разных планеров, гораздо лучших, чем тот, который сделал Лилиенталь. Они тоже без мотора, но на них можно пролететь без посадки сотни километров.

Лучшие планеристы Советского Союза

съезжаются каждый год на берег Черного моря, в солнечный Коктебель. Они соревнуются между собою: кто быстрее полетит, кто дольше продержится в воздухе на планере.

А зрители, взрослые и дети, подолгу любуются гигантскими птицами.

грозу, пролетел на планере более шестисот километров за семь с половиной часов.

На таких планерах еще никто в мире так далеко не летал.

Карташев не один. У нас много замечательных планеристов, летающих выше

Рисунок В. Житенева

Не всегда бывает спокойно в воздухе. Случается, что сильный ветер бросает планер, как щепку, из стороны в сторону. Иногда гроза с громом, молниями и проливным дождем обрушивается на планер.

Но наши планеристы летают и в плохую погоду. Планер, построенный на советских заводах, советскими людьми, выдержит любую бурю.

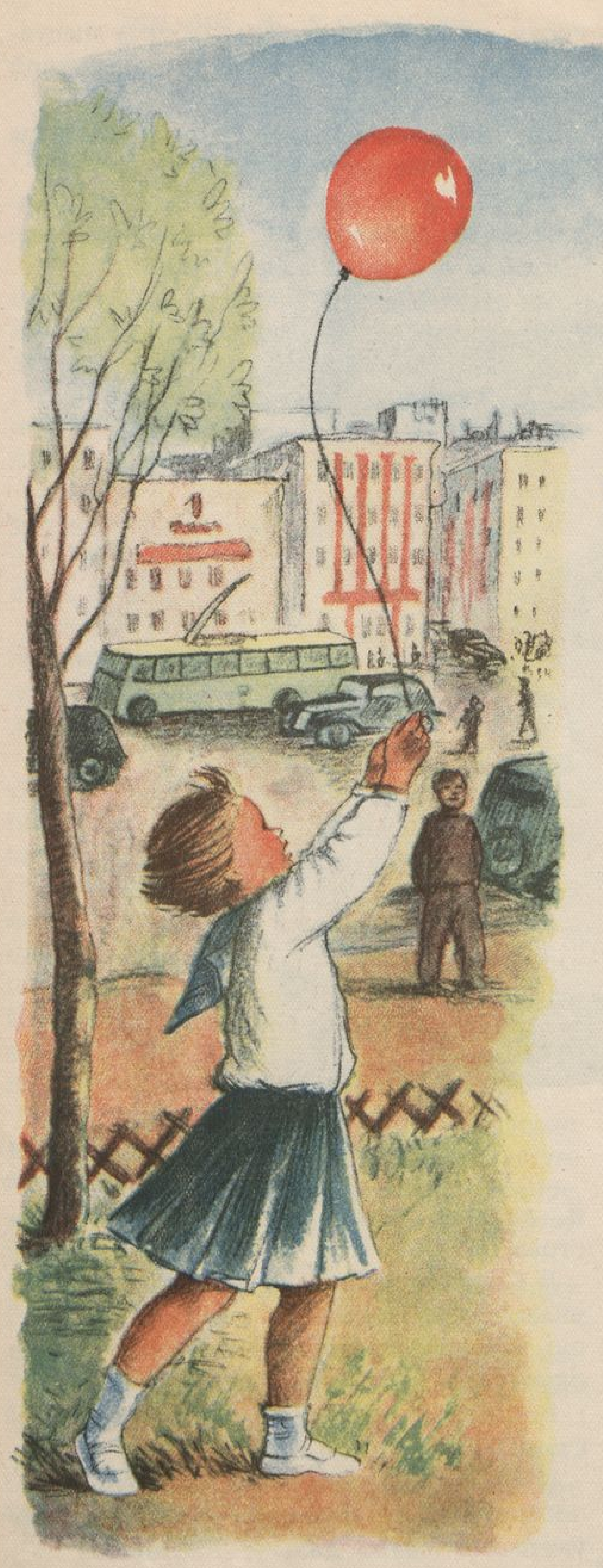
Вот не так давно, год тому назад, планерист Карташев, несмотря на сильную

и дальше всех планеристов других стран.

В Советском Союзе юноши и девушки увлекаются планерным делом. Кто хорошо управляет планером, тому легко научиться управлять самолетом.

Вы вырастете и тоже будете планеристами.

К этому времени наши конструкторы построят такие планеры, на которых вы улетите гораздо дальше Карташева.

Стихи
В. Донниковой

Рисунок
Н. Гембицкой

С ПЕРВЫМ МАЯ!

Шар несу воздушный,
Красный, расписной;
Лучше всех игрушек
Шарик озорной!
Он шуршит, он рвется,
Прыгает в руке,
О плечо он бьется,
Гладит по щеке.
Рвется он напрасно —
Крепко я держу.
Я сквозь шарик красный
На небо гляжу.
На огонь похожи
В небе облака,
И у солнца тоже
Красные бока.
Самолет над нами,
Словно майский жук,
Он блеснул крылами,
Сделал полный круг.
Шар рванулся пряткий,
Трудно удержать!
Подожди! Дай нитку
С пальца оборвать!
Ну, лети повыше!
Кружится, блестит...
Шарик спелой вишней
К летчику летит.
Летчик шар поймает
Крепкою рукой.
С Маем, с Первым мая,
Летчик дорогой!

Мурзилкина газета

Рисунок Нины Рафаиловой, 10 лет, Калуга.

ПЕРВОЕ МАЯ

Солнце встало над Москвою,
Кремль старинный золотя.
В светлом небе четким строем
Истребители летят.
Ветерок веселый веет
И по улицам летит.
На трибуне мавзолея,
Улыбаясь, вождь стоит.
И теплее ночи майской
Той улыбки ясной свет:
В ней и радость, в ней и ласка,
В ней и мужество побед.
Ворошилов выезжает
На лихом своем коне,
С Первым мая поздравляет
Армию, что всех сильней.
На стенах алеют стяги,
Рвутся птицы в вышину,
И звучат слова присяги
И гремят на всю страну.

Юра Оджагов, 12 лет, Ростов на Дону.

Рисунок Рады Френкель, 8 лет, Москва.

МОЯ СЕСТРЕНКА НОНА

Трехлетняя Нона—моя сестренка—очень любит поросят. Утром, еще не умытая, она бежит проведать свою Машку. Как только Машка завизжит — Нона уже знает, что ее нужно поцарапать. Весь день, в синеньком платьице, в красненькой косыночке, с прутиком в руках, Нона гоняет свою свинку по лужайке. И вот раз, когда все собирались спать, Ноны дома не было. Я решила, что она заигралась на лужайке, но не нашла ее там. Тогда я пошла в хлев, зажгла спичку, гляжу — в углу крепким сном спят Нона с Машкой. И что ж оказалось? Нона убаюкивала Машку, да и уснула сама вместе с ней. После этого Нона говорила мне: „Лера, я больше никогда не буду убаюкивать Машку. Пускай она лучше сама себя убаюкивает“.

Лера Егорова, 12 лет, Канск.

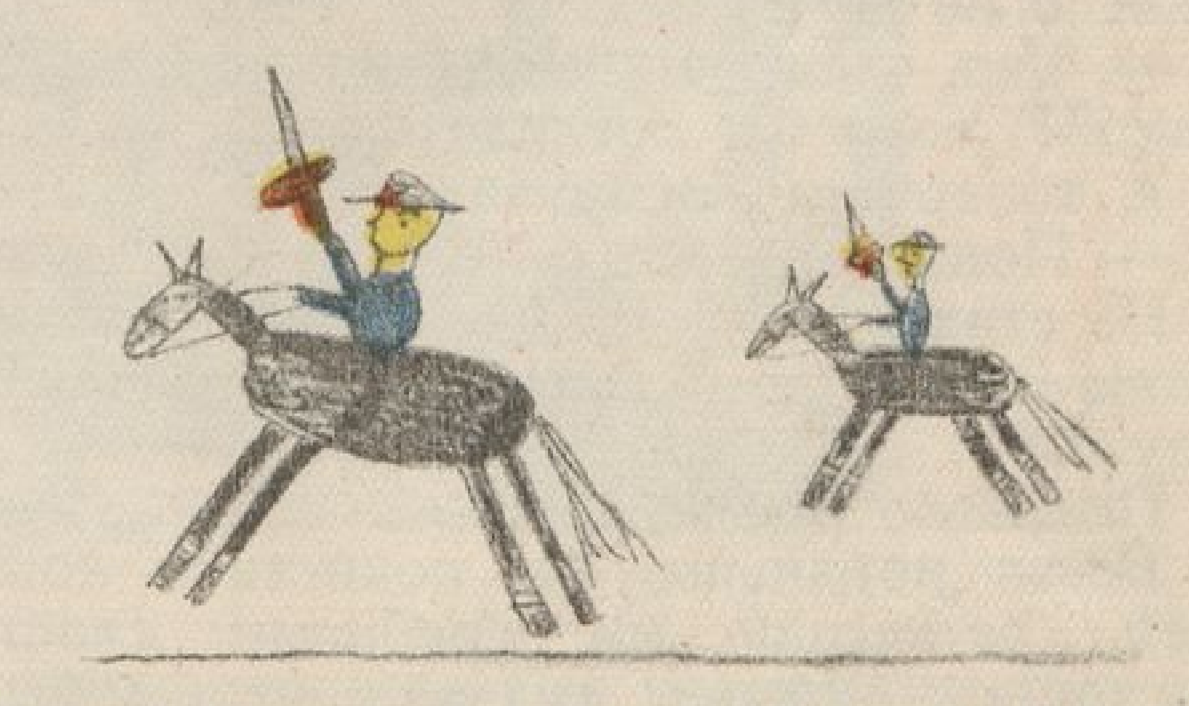

Рисунок Люсии Пендоа, 8 лет, 5-й испанский детский дом.

Рисунок Хуанито Исидорин, 7 лет, 5-й испанский детский дом.

Рассказ Н. Григорьева *Рисунки П. Кирпичева*

ДОМИК

По-разному наши артиллеристы называют этот домик: кто говорит «прозрачный», кто говорит «воздушный». А саперы, которые домик построили, назвали его «стой — не шевелись».

Дело было в лагере. Артиллерист я молодой, попал в лагерь в первый раз. Слышу кругом все эти разговоры про домик, а сам только глазами хлопаю: ничего не понять!

— Что, — спрашиваю, — за домик? Где такой? Хоть бы поглядеть.

А товарищи посмеиваются:

— Попадешь на стрельбы — узнаешь!

Не стал я приставать с расспросами. Знаю свое дело, — несу красноармейскую службу.

Подошло время стрельб.

Встав пораньше, мы почистили лошадей, расчесали им гребнями хвосты. А копыта сальцем смазали, чтобы были наши лошади, как в лакированных башмачках.

Запрягли шестерку — и понесли нас лошади с пушкой на полигон.

Приехали. Выкатили пушку на позицию.

Гляжу, поле передо мной — конца-краю нету. Даже в глазах зарябило...

А командир:

— По местам!

Бросились ребята к пушке. Я наводчиком стою, мне наводить пушку в цель. «Ну, — говорю себе, — Ваня, не робей! Покажи, что не напрасно тебя зиму учили, не даром ешь красноармейский хлеб».

И тут командир показывает мне в поле домик — далеко, у самого леса.

— Рассмотрите, — говорит командир.

Рассматриваю. Чистенький такой домик, беленький, с красной крышей.

— По домику!

И командир подает команду стрелять.

Навожу я пушку, а домик жалко.

«Эх, — думаю, — конец тебе, домик, пришел! Разлетишься ты сейчас в щепки».

Ребята заложили снаряд.

— Огонь!

Дернули за шнур, грохнула пушка... Смотрю — устоял домик.

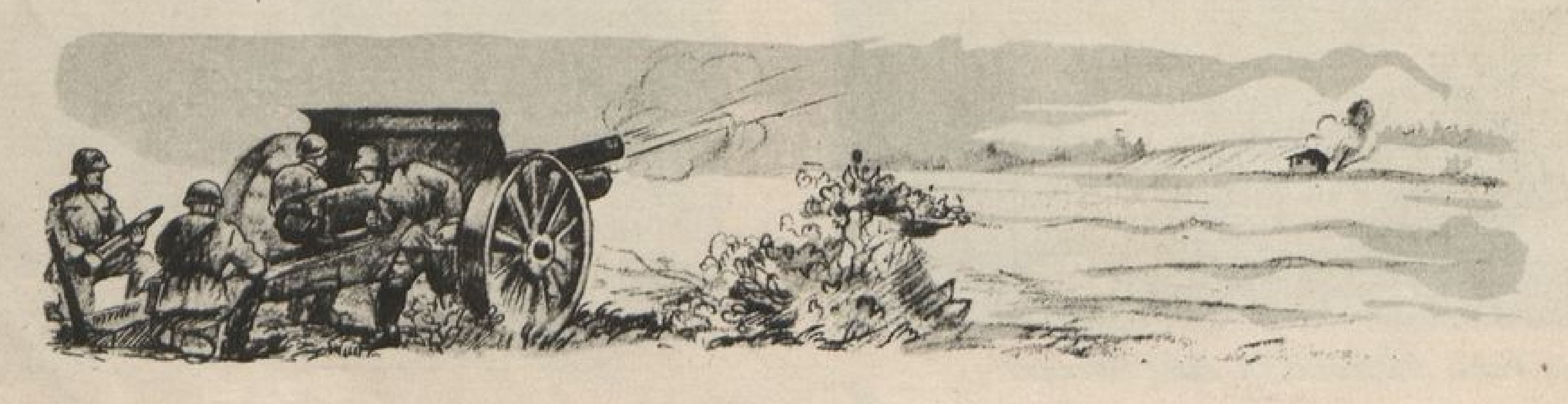
«Ишь ты, мал, да крепок!»

Еще снаряд заложили. Прицелился я. Выстрелили.

Стоит домик.

В третий раз ударили... Стоит! Никакого последствия.

«Что-то крепкий уж очень, — думаю. —

Не из гранита ли сложен? Кирпич бы уже давно развалился».

Тут я раз за разом пустил три снаряда.

Смотрю в бинокль — и глазам не верю... Хоть бы царапина на белой стене! Хоть бы кусок штукатурки обвалился!

— Стрелять не умеешь, — зашептали вокруг меня товарищи. — Все снаряды мимо!

А я чуть не плачу: «Ах ты, дрянной домишко! Да я ж тебя!..»

Но командир больше не дал стрелять.

— Отбой!

И побрели мы через поле к домику. Командир впереди шагает, я следом иду. А рядом со мной товарищи — молчат, насупились.

«И чего, — думаю, — смотреть? Зачем идем? И без того видно: никуда я не годный наводчик!»

Вдруг кто-то из ребят схватил меня за руку:

— Гляди! Командир-то...

Я и рот разинул.

Командир наш сквозь домик прошел... Не в дверь, а прямо через стену. И опять белая стена.

Мы переглянулись.

— Давай на помощь, ребята! Тут что-то неладно.

И пустились мы во весь дух выручать командира.

Подбежал я к домику, гляжу... А он знаете из чего? Из веревочек!

Навешаны густо веревочки, с бантиками из мочалы. Сверху все красным покрашено, пониже белым. Никакого и домика нет — одна занавеска.

Раздвинул я руками веревочки. Ребята — за мной.

А тут, позади занавески, яма на яме, яма на яме...

— Видите? — сказал командир. — Это всё ваши снаряды. Все по домику. Все в цель. Ставлю вам за стрельбу «отлично».

— Товарищ командир, — забормотал я, — да как же все это? Для чего занавеска?

А командир и говорит:

— Это самая прочная стена, крепче деревянной, крепче каменной: пролетел снаряд — и опять веревочки сошлись, опять домик целый. А ставить бы здесь настоящие дома, так на наших артиллеристов не напасешься. Ведь как стреляют: стрельнул — и дом долой, стрельнул — и дом долой. Ну-ка, сколько домов надо на всех?

Я прикинул в уме: да, надо целый город выстроить.

А саперы — вот хитрый народ: одной занавеской обошлись!

Русские народные сказки
в литературной обработке Алексея Толстого

МУЖИК И МЕДВЕДЬ

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает.

Пришел к нему медведь:

— Мужик, я тебя сломаю!

— Не трогай меня, медведюшка, давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

— Быть так,—сказал медведь,—а коли обманешь, так в лес по дрова ко мне хоть не езди.

Сказал и ушел в дуброву.

Репа выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

— Мужик, репу давай делить! Мою долю подавай!

— Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал ему мужик всю ботву. А свою репу наклал на воз и повез в город продавать.

Навстречу ему медведь:

— Мужик, куда ты едешь?

— Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

— Дай-ка попробовать, каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

— А-а!—заревел.—Мужик, обманул меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидает.

— Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю!

Мужик говорит:

— Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а свою рожь наклал на воз и увез домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

Рисунки К. Кузнецова

ЛЕВ, ЩУКА И ЧЕЛОВЕК

Раз на селе лев со щукой разговаривал, а человек стоял поодаль и слушал.

Только щука увидала человека, сейчас же ушла в воду.

Лев ее после спрашивает:

— Чего ты ушла в воду?

— Человека увидела.

— Ну так что же?

— Да он хитрый!

— Что за человек?—спрашивает лев.— Подай мне его, я его съем!

Пошел лев человека искать. Идет навстречу мальчик.

— Ты человек?

— Нет, я еще не человек. Я мальчик. Еще когда буду человеком-то!

Лев его не тронул, прошел мимо. Идет навстречу старик.

— Ты человек?

— Нет, батюшка лев. Какой я теперь человек! Был когда-то человеком.

И этого лев не тронул.

— Что за диковина! Не найдешь человека нигде!

Шел, шел лев, встретил солдата с ружьем и саблей.

— Ты человек?

— Человек.

— Ну, я тебя съем!

— А ты погоди,—говорит ему солдат,— отойди от меня, я сам тебе в пасть кинусь. Разинь пасть пошире!

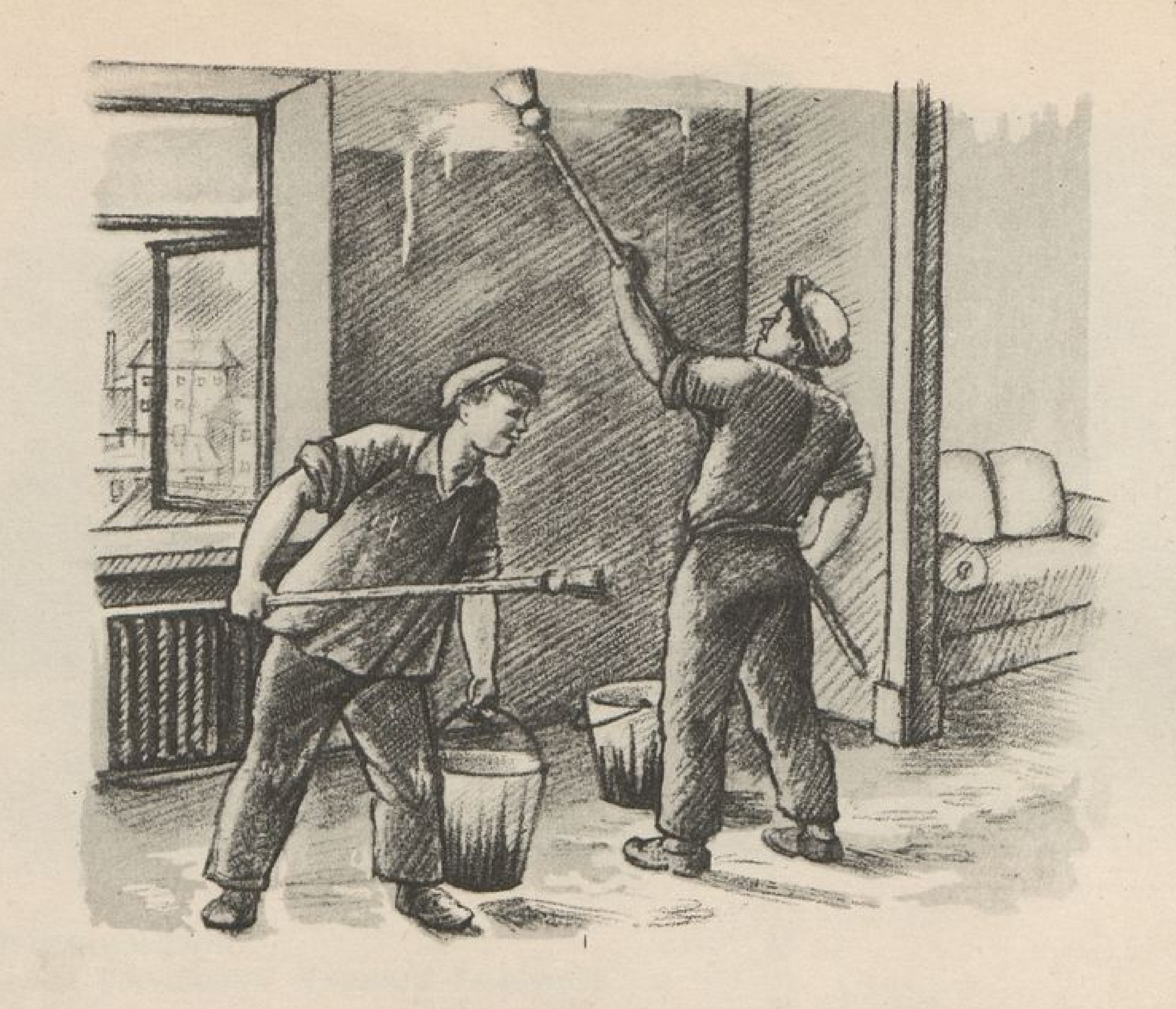
Лев отошел, разинул пасть. Солдат наметился да как бабахнет из ружья! Потом подбежал да саблей ухо у льва отсек. Лев—бежать.

Прибегает к реке. Выплывает щука, спрашивает:

— Ну что, видел человека?

— Да что,—говорит лев,—хитер человек! Сразу-то я его не нашел: то говорит, что был человеком, то говорит, что еще будет человеком, а как нашел человека, так и не обрадовался. Он мне велел отойти да раскрыть пасть. Потом как плюнет мне в пасть—и сейчас еще жжет. А потом как высунет язык—да ухо мне и слизнул.

— То-то же! Я тебе говорила, что хитер человек...

Стихи Н. Артюховой *Рисунок Н. Гембицкой*

МАЛЯРЫ

Приходили утром рано
Два веселых маляра.
Отодвинули диваны,
Притащили два ведра.
И пошла у них работа!
Пляшут кисти взад-вперед,
На полу у них болото!
По стене ручей течет!

Перепачкана рубаха,
В пятнах брюки и пальто...
И никто не станет ахать,
И не чистит их никто.
К двери белая дорога,
Всюду в комнатах разгром...
Подрасту еще немного,
Буду тоже маляром!

Стихи Е. Тараховской *Рисунок В. Веретенникова*

РАНО-РАНО

Я проснулся рано-рано,
Потому что на суку,
Под окном, у самой рамы,
Повторял петух упрямо:
— Не валяйся на боку!
Ку-ка-ре-ку!

Задремать хотел я снова.
Не заснул я потому,
Что открыла дверь корова
И сказала мне сурово:
— Не встаешь ты почему?
Му!

Я спустил с кровати ногу,
Но подумал про себя:
„Нет, посплю еще немного!"
Но барашек у порога
Закричал: — Я жду тебя!
Бя!

По утрам так сладко спится,
Только сны ко мне не шли,
Потому что пела птица,
Птица — синяя синица:
— Встань! Мы песни завели!
Тюр-ли!

Нет покоя никакого!
Распахнулись двери снова,
И ко мне вломились вдруг
И барашек, и корова,
И синица, и петух, —
Бух!

Этот бьет меня копытцем,
Тот щекочет и клюет:
— Спать так долго не годится!
Встало солнце, встали птицы!
Вот и чай и бутерброд —
В рот!

Побежал я в сад кленовый,
А за мною следом снова —
Что есть силы, во весь дух —
И барашек, и корова,
И синица, и петух, —
Ух!

Хорошо в саду зеленом!
Рыбы плавают в пруду,
Пчелы носятся со звоном,
Пахнет липами и кленом...
Я останусь здесь, в саду, —
Не уйду!

Поскорее, звери, птицы,
Разбудите всех ребят —
Кто когтями, кто копытцем:
Спать так долго не годится,
Пусть ко мне сюда спешат —
В сад!

Знаешь ли ты?

Н. Плавильщиков

О ПТИЦЕ-ПОРТНИХЕ

Эта птица не только шьет: она же сама и нитки сучит. Нет у нее ни иголки, ни швейной машины, ни ножниц. Все ее инструменты — клюв да лапки. Погляди на рисунок, и ты поймешь, что делает птица. Она выбирает пару крепких больших листьев на дереве и соединяет их края: прокалывает клювом дырочки, а потом продергивает в дырки нитку. Эту нитку птица сучит и вьет сама: из пушинок, обрывков шерсти. Из сшитых листьев получается словно бумажный фунтик. Это — помещение для гнезда. А внутри его портниха вьет из пуха и шерсти мягкое и очень прочное гнездышко.

Птица-портниха живет в Индии. Ее так и зовут — портниха, а из-за длинного хвоста — длиннохвостая портниха.

О ГНЕЗДЫШКЕ ИЗ СЛЮНЫ

Ласточку ты знаешь, ее гнездо — тоже. А можно ли есть ласточкины гнезда? Оказывается, едят. У нашей ласточки гнездо земляное, — понятно, его не съешь.

В Индийском океане, на Зондских островах, живет ласточка салангана. Она строит гнездо из слюны. Слюна у саланганы клейкая и густая, клеит лучше клея. Птичка водит клювом по скале и выпускает слюну. Тянется липкая полоска и застывает; получается валик из слюны. Водит птица клювом по валику — валик растет и растет. Вот и вырастает в конце концов гнездышко. Чем сытее живет салангана, тем больше у нее слюны, тем скорее она построит гнездо.

Вот эти-то гнезда из слюны и едят.

О ПЛОТЕ ИЗ ПЕНЫ

Мы плот из бревен строим и на нем плаваем. А бывают плоты из пены. Конечно, на такой плот не встанешь: он всего с твою ладонь величиной. Строит такой плот рыбка. Ее часто держат в аквариумах. Называется она макропод. Придет время метать икру, макропод-самец строит плот. Наберет воздуха в рот и выпустит пузырек. Пузырьки воздуха со слюной — прочные, не лопаются. Всплывет пузырек наверх, рядом с ним другой, третий, четвертый... Плот растет и растет.

Готовый плот — кучка пены. Под плот рыбка помещает свои икринки. Плот плавает, икринки под ним спрятаны. А макропод-самец тут же вертится — сторожит и плот и икринки.

Стихи Н. Найденовой *Рисунок М. Михаэлис*

ЭСКАДРИЛЬЯ

Это что за эскадрилья?
Чьи на солнце блещут крылья?
Чьи над нами самолеты
И какие в них пилоты?
Вот они летят всё ближе,
Вот спускаются всё ниже,
Вот блестящий самолет
Отделяется вперед.
Вот идет он на посадку —
На гороховую грядку!
Я гляжу во все глаза —
Это просто стрекоза!

ЧЕЧЕВИЧКА

Рассказ В. Бианки
Рисунки П. Пастухова

Я шел по круче над речкой. Был май — месяц птичьих песен и гнезд. Я как раз разыскивал гнезда: собирал коллекции яиц.

Вдруг среди свежей зелени кустов мелькнула чечевичка. Это очень красивая птичка, вроде канарейки, только не желтая, а серенькая, с ярко-ярко-красной головкой и грудкой.

Чечевичка вспорхнула на самый высокий куст, повернулась ко мне и звонко спросила:

— Яички видел?

Не словами, конечно, спросила, а песенкой.

Песенка у нее такая, что всем в ней слышится вопрос. И каждый переводит этот вопрос по-своему.

Кто:

— Тришку видел?

Кто:

— Никиту видел?

А кто и:

— Медведя видел?

Я искал гнезда, потому мне и послышалось в ее песенке:

— Яички видел?

Очень я обрадовался этой редкой в наших местах птичке: как раз ее-то яиц и нехватало в моей научной коллекции.

— Не видал еще, — ответил я вслух, — но уж теперь-то непременно найду твое гнездо!

Я знал, что самец чечевички поет всегда поблизости от гнезда. Надо было только осмотреть все кусты на круче — вот и найду.

Легко сказать — осмотреть! Не так-то просто оказалось лазить по круче, цепляясь где за ветки, где за корни.

К счастью, тут мне попала на глаза тропинка. Она весело, вприпрыжку сбегала между кустов к речке.

Но и по тропинке было не легко итти: очень уж она была крута, и ноги скользили по гладкой, размытой дождями земле. В одном месте я чуть не полетел — еле успел ухватиться рукой за куст.

Из куста мышонком шмыгнула серенькая, с зеленоватой спинкой птичка. Это была чечевичка-самка.

Я раздвинул ветки и там, в середине куста, увидал легкое соломенное гнездышко, а в нем, в круглой колыбельке из конского волоса, пять яичек чудесного голубого цвета с черными точечками.

Вот они, наконец-то! Теперь моя коллекция будет полна!

Я вытащил из кармана коробку с ватой, раскрыл ее и уже протянул руку к яйцам, когда неожиданно с соседнего куста послышалось:

— Че-и! Че-и!

Там сидела самочка. Она простирала ко мне крылышки и молила нежным голоском:

— Че-и! Че-и! Не тронь, не тронь моих чудных голубых яичек.

Да так жалостно, что у меня рука сама опустилась.

А чечевичка уже перелетела на тот куст, где было гнездо, села так близко от меня, что я мог поймать ее шапкой, и все повторяла:

— Че-и! Че-и!

Ее услышал и сейчас же прилетел на выручку самец. Но, увидав меня над гнездом, испуганно пискнул, шмыгнул в кусты и больше не показывался.

Еще бы! Каким громадным и страшным чудовищем я должен был казаться этим пичугам!

Где было самцу защищать от меня своих будущих птенчиков! Впору бы только самому спастись от чудовища.

А самочка не улетала. Она еще ближе придвинулась ко мне по ветке и была готова погибнуть вместе со своим гнездом.

Я не знал, что мне делать. И жалко было птичку, и не взять яиц в коллекцию нельзя было: ведь коллекция научная, не для забавы я ее собираю.

Тут мне пришло в голову вот что: заменю-ка я чечевичкины яйца чужими: может, и не заметит подмены, и будет у нее о ком заботиться.

Я отошел от куста и спустился к реч-

ке. По берегу, знал я, много гнезд, и во всех были яйца.

Чтобы не разорить птиц, я брал у каждой из гнезда только по одному яйцу.

Когда я вернулся на тропинку и раздвинул знакомый куст, чечевичка соскочила с гнезда, но не улетела, уселась тут же, на кусте, и, трепеща крылышками, опять стала просить:

— Че-и! Че-и!

Отогнав ее подальше, я живо вынул из гнезда ее яички и положил на их место чужие.

Но что за винегрет получился в гнезде!

Вместо пяти одинаковых голубых яичек теперь лежали в нем:

два пестреньких яйца зяблика,

крошечное розовое яичко пеночки,

крупное зеленое, в рыжих крапинах яйцо дрозда

и небольшое серенькое — славки.

Чечевичка опять подлетела к гнезду, и я поскорей ушел: нельзя было больше ее беспокоить.

Примет или не примет она всю эту пеструю компанию чужих неродившихся детей?

Я вернулся на крутую тропинку утром следующего дня.

Чечевичка-самец опять сидела на высоком кусте и попрежнему спрашивала:

— Яички видел?

Я раздвинул куст. Из листьев смотрели на меня два маленьких черных глаза, круглых и серьезных. Чечевичка сидела на гнезде и прикрывала его своим тельцем.

Что там под ней?

— Пусти, пожалуйста, — сказал я ей ласковым голосом.

Я давно заметил: если не делать резких движений и разговаривать с птицами мягким, добрым голосом, они не очень пугаются.

Чечевичка не шевельнулась.

— Пожалуйста, пусти! — повторил я. — Я только взгляну, даю тебе слово.

Она — ни звука в ответ.

Тогда я протянул руку и тихонько коснулся ее.

Она вскочила и вдруг больно тюкнула меня носом в палец.

Я отдернул руку.

А чечевичка уже наступала на меня, грозно шипя и перепрыгивая с ветки на ветку.

Не драться же было мне с ней! И так уж совестно было, что я утащил ее родные яички. К тому ж, я успел заметить, что весь винегрет — в гнезде.

Я поспешно отступил.

В следующий раз я попал на тропинку только через полмесяца. Чечевичка-самец уже не спрашивала с высокого куста, видел ли я их яички. Но и другие птицы молчали, может быть оттого, что шел дождик.

Я осторожно спустился по скользкой тропинке к знакомому кусту. Чечевички в нем не было. Навстречу мне из гнезда потянулись пять головок — большие и маленькие, слепые и зрячие, толстоносые и тонконосые!

Но долго разглядывать их мне не пришлось: откуда ни возьмись, с шипением налетела на меня чечевичка. Я отскочил от гнезда. Она за мной — и прямо мне в лицо. Я поднял руку, чтобы защитить глаза, неловко ступил в сторону, поскользнулся и полетел.

От дождя тропинка была такая скользкая, что я прокатил по ней на собственных салазках до самого низа и чуть не угодил в речку.

При этом я повредил себе ногу.

Храбрая чечевичка на несколько дней вывела меня из строя: с больной ногой нечего было и думать возвращаться на опасную тропинку.

А когда, наконец, нога зажила, я нашел гнездо чечевички пустым.

Но недалеко от него в кустах я увидел и чечевичку-самца, и самочку, и всех ее пятерых выкормышей: большого дрозденка и маленькую пеночку, серую славочку и двух зябличат.

Маленькая мачеха выкормила их всех, как своих родных, и они научились уже перепархивать с куста на куст.

Каждый раз теперь, глядя на голубые с черными точечками яички в моей научной коллекции, я с уважением и восхищением вспоминаю их маленькую отважную мать-чечевичку. И я нисколько не в обиде на нее за то, что она чуть не выколола мне глаза и так ловко спустила меня с кручи.

Рисунок Е. Эндриксон

РЕБЯТА!

Мы заказали нашей художнице рисунок о лисе и гусях, но попросили ее нарисовать отдельно от рамки гусей, лису, елки и другие предметы, с тем чтобы вы сами могли сделать из этих предметов такой рисунок, какой вам захочется. Для этого необходимо перерисовать рисунки через копирку на цветную бумагу. Затем эти рисунки вырежьте и наклейте их на рамку так, чтобы получился интересный рассказ о лисе и гусях. Эти свои рисунки пришлите нам. Лучшие из них мы напечатаем.

Игры и забавы

1 — КОРПУС.

2 — ПОКРЫШКА.

3 — РАМА.

4 — КОЛЕСО.

5 — ЗВЕЗДОЧКА.

6 — ДУЛО.

БРОНЕВИК

ОБЩИЙ ВИД.

Чертеж этого броневика советуем увеличить вдвое. Для этого на плотной бумаге нарисуйте сетку с квадратами, вдвое большими, чем на рисунке. И на эту большую сетку перенесите наш чертеж и сделайте выкройки.

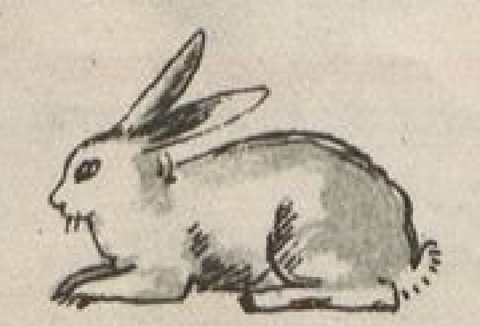
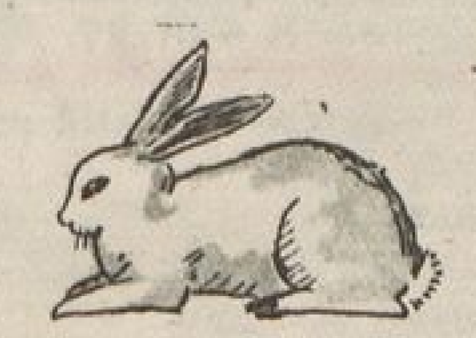
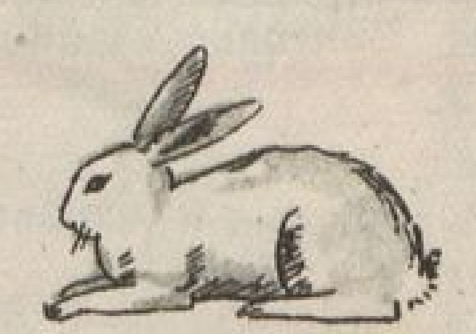
По пунктирным линиям (состоящим из черточек) сделайте изгибы с лицевой стороны выкроек, а по линиям, обозначенным точками, сделайте изгибы с внутренней стороны выкроек.

Склеивать и собирать выкройки нужно в таком порядке: 1 — корпус, 2 — покрышку, 3 — раму, 4 — колесо, 5 — звездочку и 6 — дуло.

Рама подклеивается снизу, на края передней и задней стенок корпуса. Вырежьте четыре колеса и наклейте их на места, обозначенные буквой *А*.

Когда броневик высохнет, раскрасьте его так, как вам нравится.

КРОЛИКИ

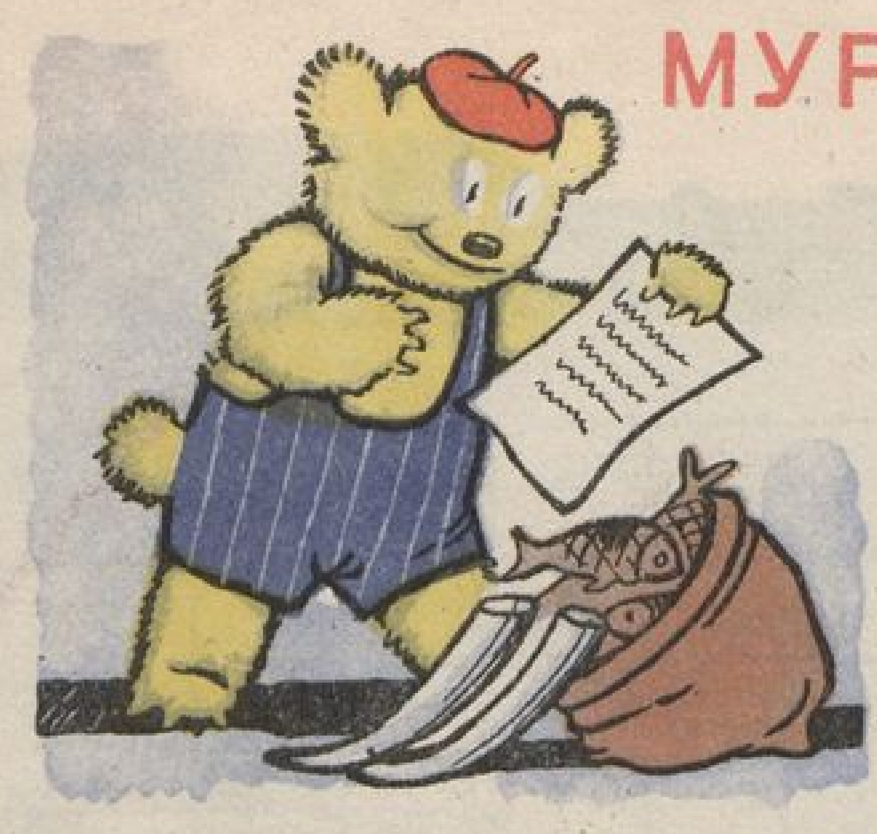

Ребята! Можете ли вы посадить этих кроликов так, чтобы у всех вместе было три уха, а у каждого в отдельности по два, как полагается?

Цена 75 коп.

МУРЗИЛКА—ГОСТЬ

Стихи А. Кардашевой
Рисунки М. Храпковского

1. С севера пришла посылка,
В ней письмо нашел Мурзилка:
„Мы Мурзилку обнимаем,
Поздравляем с Первым мая,
Шлем мешок сухой трески
И моржовые клыки“.

2. Наш Мурзилка очень рад:
„Сам поздравлю я ребят!
Вот — шары. Прозрачны, ярки —
Подходящие подарки!“
Сто шаров Мурзилка взял,
С ними — прямо на вокзал.

Ах! А поезд уж отправлен,
Он идет на всех парах!
„Всё равно ребят поздравлю:
Полечу я на шарах!“

3. Вот над вышкой парашютной
Дунул ветерок попутный,
Над Москвой шары взвились,
Понесли Мурзилку ввысь.

4. Как Мурзилке опуститься?
Он не летчик и не птица!
Но смышленый он недаром:
Отвязал он шар за шаром,

5. На пяти шарах повис
И легко спустился вниз.
Вот так гость! Мурзилка сам
Прилетел на праздник к нам!
Как огни, горят шары,
Первомайские дары!

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 4-97-22.

Редколлегия: А. Барто, М. Ильин, Л. Кассиль, С. Михалков, Ал. Толстой, Е. Яковлева.
Художественный редактор В. С. Житенев.
Корректоры З. Молодык и А. Сапелкина.
Сдано в набор 26/III 1939 г. Подписано к печати 7/V 1939 г. Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120 1/16 листа.
Уполномоченный Главлита А-10230. Заказ № 561. Детиздат № 2230. Тираж 200 000.
Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.